

Т.В.Федосеева

ЦЕННОСТНАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВЯТОСТЬ / СВЕТСКОСТЬ» В РАННЕЙ ЛИРИКЕ Я.П.ПОЛОНСКОГО

Антропологическая направленность современного литературоведения требует уточнения выраженной в литературном произведении точки зрения автора, обусловленной ценностной ориентированностью его личности. Решение этой задачи требует совмещения внутритекстового анализа с контекстуальным. Лирическое наследие Я.П.Полонского в этом направлении изучено недостаточно. Выявляемые в ходе мотивного анализа ценностные оппозиции позволяют составить более объективное представление о художественной антропологии автора, а впоследствии — проследить ее динамику. Эпизодическое привлечение биографического, фольклорного, библейского и ближнего литературного контекста позволяет конкретизировать ценностный аспект исследования. Анализ ранней лирики Полонского показал совмещение светской направленности изображенного мира с религиозной. Архаические инварианты святости и светскости соотносятся в нем с комплексом конкретных мотивов. Святость — с мотивами божественного присутствия в жизни людей, религиозной святости, света и покоя, «Божьего грома», страдания и духовного просветления, любви и сострадания. Светскость соотносится с мотивами самоутверждения, тщеславия, лицемерия, а также любви, красоты и творческой самореализации художника. Герой ранней лирики Полонского не принимает суетных увлечений светской жизни, утверждает онтологическую значимость религиозных святынь, любви, красоты, творческого вдохновения и обречен на одиночество, которое оборачивается болью за духовное несовершенство мира.

Ключевые слова: ранняя лирика Я.П.Полонского, ценностная оппозиция, мотивный анализ, святость, светскость, религия, культура, идеал

В поле зрения современных исследователей, применяющих к изучению русской литературы различные методологические подходы, все чаще оказываются отдельные особенности поэтики и художественного мира Я.П.Полонского. В частности, предпринимаются шаги к осмыслению объектно-субъектного уровня творческой эволюции поэта в биографическом и литературном контексте [1]. Между тем, вопрос о выражении творческой личности автора средствами изображенного мира раскрыт до настоящего времени недостаточно. Сложность изучения этого аспекта произведений лирического рода литературы состоит в том, что авторская субъективность, чаще всего, максимально сближена с субъективностью героя, а субъективность героя опосредованно проявлена в изображенном мире произведения.

Анализируя раннюю лирику Я.П.Полонского, сосредоточим внимание на путях опосредованного выражения авторской субъективности, на «событии, через которое выражается присутствие субъекта в художественном мире, и пространственном и временном выражении лирического субъекта, которое позволит очертить границы его “я”» [2, с. 80]. Для разработки этого вопроса используем мотивный анализ, в интертекстуальном применении дающий возможность объединить произведения в группы по принципу ценностного наполнения общего для них мотива или мотивного комплекса. Определяя функции повторяющихся ценностно-семантических единиц текста, составим представление об авторской субъективности через события внешней жизни. Так, изучение мотивного комплекса сна, проходящего через все творчество писателя позволило И.Г.Вьюшковой уточнить его мировоззренческую позицию и говорить о «трансформации в ценностно-аксиологическом плане» [3, с. 93], а проведенный нами анализ ранней лирики поэта позволил определить функции эмоционально-ценностных оппозиций: «покой / движение», «стесненность / простор», «временное / вечное», связанных с мотивным комплексом зари [4, с. 138-143].

Оппозиция «святость / светскость», раскрытию художественной функции которой посвящено настоящее исследование, позволит уточнить характер поэтической картины мира Я.П.Полонского, в целом основанной на противопоставлении высокого низкому, идеального реальному — как небесного земному. Целью такого анализа является конкретизация знания о мировоззренческих приоритетах поэта периода творческого становления.

В статье анализируются лирические стихотворения 1840—1850 годов, вошедшие в первый том опубликованного в 1896 году Полного собрания стихотворений Я.П.Полонского, просмотренного автором, с учетом их первых публикаций в сборниках «Гаммы», 1844; «Стихотворения 1845 года, 1846; «Сазандар», 1849; «Несколько стихотворений», 1851. Ранний период творчества поэта определен годами его обучения в Московском университете (1838—1844) и пребывания на юге России, сначала в Одессе (1845—1846), потом — в Тифлисе (1846—1850). В тридцати пяти лирических стихотворениях этого периода, из семидесяти семи учтенных нами, содержатся мотивы святости и светскости, что составляет более 45% и свидетельствует о высокой частотности. Ценностно-семантическая специфика выделенных для исследования мотивов позволяет привлечь к изучению лирических произведений биографический, фольклорный и библейский контекст. Таким образом, деструктурирующий художественное целое произведения мотивный анализ включается в контекстуальную сферу и, через нее, выводит исследователя к уровню авторской антропологии.

Святость и светскость, опираясь на современную теорию мотива, мы определяем как архетипические инварианты и рассматриваем в художественной структуре текста в соотношении с конкретизирующими их вариантами. Уточнение динамики такого пути анализа было дано Н.Д.Тамарченко, который писал: «Конкретизация (одно из возможных воплощений) инварианта происходит также за счет мотивов, но не главных, магистральных — их число ограничено, а множества частных мотивов, синонимичных друг другу» [5, с. 38]. Инвариантные и конкретизирующие мотивы обеспечивают смысловые связи между текстами и позволяют говорить о их метатекстовом единстве. Следуя концепции В.С.Киселева, под «метатекстом» мы понимаем «механизм образования сложных художественных систем» — «своеобразного функционального пространства, адаптирующего произведение к его окружению» [6, с.188]. В нашем случае, каждый из привлеченных к анализу текстов рассматривается в отношении к другим на основании выделенных в них ценностно наполненных инвариантов святости и светскости, а через эти мотивы — к культурной традиции. Поэту, выросшему в патриархальной, исповедовавшей православие семье, несомненно, было близко понимание святости как духовного возрастания внутреннего человека. В то время как уклад жизни студенческих лет и «южного» периода позволил ему составить свое представление о светскости, определяющей в России XIX века бытовую сторону жизни образованного класса. Уже в студенческие годы он был вхож в московские салоны, которые, по воспоминаниям К.Д.Кавелина, «служили выражением господствующим в русской интеллигенции литературных направлений, научных и философских взглядов» [7, стб. 1121], а впоследствии, в Одессе и Тифлисе, вращался в кругу крупных чиновников и творческой интеллигенции.

Как показывают наши наблюдения, инвариант святости, в значительной степени соотносится у Я.П.Полонского с мотивом божественного присутствия в мире людей. Поэт показывает сопричастность отдельного человека божественному миру и размышляет в этом ключе о судьбах целых народов. С явлением Ангела лирический герой Полонского чувствует себя проникнутым «божественною силой», испытывает умиротворение сладкого «покоя» («Ангел») [8, т. 1, с. 7-8]. В стихотворении «Узник» изображение мрачной темницы сменяется радостной картиной вольной жизни, которую герой чаёт получить в результате того, что «Божий гром» разобьет его окопы и «опрокинет сторожей» (с. 29). Лирический субъект другого произведения призывает мысленного собеседника постигнуть «тайный образ духа», открыть для себя «сокровища», спрятанные у Бога и явно намекает на хранящий эти сокровища текст Священного писания: «Для созерцающих очей / И для внимающего слуха / Доступен тайный образ духа / И внятен смысл его речей — / Глагол, в пустыне вопиющий, / Неумолкаемо-зовущий» (с. 35). (См.: Мф. 3:3). Не чужда лирическому герою Полонского и молитва, с которой он обращается к Богу, раскаяваясь в своем маловерии и прося даровать христианские добродетели — смирение и сострадание: «Прости! — И снова / Душа готова / Страдать и жить, / И за страданья / Отца созданья / Благодарить...» (с. 10). Герой стихотворения «Качка в бурю» целиком доверяется высшему произволению: «Что же делать? Будь что будет! / В руки Бога отдаюсь: / Если смерть меня разбудит — / Я не здесь проснусь» (с. 182), а в другом случае — переживает сомнение в постижимости этого произволения человеческим разумом: «Рассудок бедный мой блуждает в пустоте... / И эту пустоту ничто не озаряет» (с. 16). Божественное присутствие определяет мир произведений, созданных Полонским по мотивам народной религиозности. Запечатленная в стихотворении «Солнце и Месяц» (1841) картина свидетельствует о гармоничном сосуществовании человека и природы, объединенных в одухотворённом пространстве волей Творца. Родственное этому изображению дано в стихотворениях грузинского цикла («Старый сазандар», «Татарская песня 2»). Сюжет об искушении «сонмом злых духов» и освобождении от их разрушительного действия воссоздается в стихотворениях «В Имеретии», «Имеретин», «Заступница». В них история кавказских народов прочитывается поэтом, через ветхозаветные тексты, в которых отступничество от Бога наказывается многими злоключениями, а милость Его спасает народы:

Жилища наши стали бедны,
И обеднели алтари,
Где перед битвами молебны
Служили некогда цари.
Но, закаленные бедами,
Не закалили мы сердец...
Как над младенцами, над нами
Небесный сжалился Отец (Имеретин, с. 111).

На втором уровне ценностной иерархии в поэтическом мире Я.П.Полонского рассматриваемого периода выступают формы земной жизни, освященные в религиозно-культурной традиции: святость церкви и ее таинств. В первом опубликованном в большой печати стихотворении «Священный благовест торжественно звучит...» («Отечественные записки», 1840) утверждается святость церкви, а человек показан переживающим сомнение, что не позволяет ему приблизиться к Богу. В другом — показано, как в труде и молитве человеком обретается святость («Бэда проповедник», 1841). В мире «восточного» цикла, опубликованного в сборнике «Гаммы»: «Магомет», «Магомет перед омовением», «Из Корана» — представлены универсальные религиозные святыни: в структуру стихотворений включены мотивы чудотворящей молитвы; очищающей от греха воды; преображающей человеческую природу Божественной силы; пророческого дара. Сюжет стихотворения «Факир» заставляет читателя размышлять о сложном вопросе обретения человеком духовных даров и самонадеянности в этом. Восточный аскет, «праведник великий», медитируя, девять лет стоит вблизи горного

источника, не сходя с места. В принятой им аскезе приходят искушения: внутреннему зрению открываются красоты божественного мира, «лазурные чертоги» и «воздушные холмы», «вечный день иного края», «вечный мир иных чудес». Ему чудится, что гармония земного мира поддерживается его усилиями, что волны «священного потока» «...в нем самом кипят глубоко / Из него бегут к нему...» (с. 69-71). Однако живительная влага горного ручья питает растения, зверей и людей до тех пор, пока во время обвала в горах скала не перекрыла его русло. В отличие от Бэды проповедника, вдохновенное слово которого заставило говорить камни, молитвы факира оказалось недостаточно, чтобы сохранить для природы и людей блага «священного потока»:

Где вчера струи журчали,
Где святой лился поток,
Камни ребрами торчали,
Да сырой желтел песок
А на берегу потока,
Где так свято, ночь и день,
Возносила одиноко
Человеческая тень,
Тело мертвое лежало... (с. 73).

Ряд стихотворений, вошедших в сборник «Гаммы», построен, на западной культурной традиции, освящающей ценности светской жизни — любовь, физическую красоту человека, творчество художника. В стихотворении «Диамей» поклонение возлюбленной приравнивается лирическим героем Полонского к поклонению античным богам: «...я должен из мрамора храм / Возвести на холме и возжечь фимиам!»; «кудрявому мальчику», герою стихотворения «Цветок», святыней представляется случайный предмет, к которому прикасалась его возлюбленная. Освященный воображением лирического героя образ красавицы обретает власть над его душой: «Кумир немой, кумир суровый, / Он мне сиял как божество / И я клялся его оковы / Влечь до гроба моего» («Кумир») (с. 46). В стихотворении «Статуя» показана вневременная ценность физической красоты, передать которую будущим поколениям дано художнику: «И чредою грядущим векам / Все, что было завещано нам, / В первобытной красе завещать!» (с. 30).

Так, в мире раннего Я.П.Полонского понятие о святости, восходящее к религиозной культуре, соотносится со светской традицией освящения воображением человека форм действительной жизни.

В двенадцати из проанализированных нами стихотворений инвариант светскости конкретизируется мотивами низменных страстей, самолюбия и притворства, определяющих отношения людей в обществе, где невозможна гармония духовного и телесного существования человека. В поэтическом мире Я.П.Полонского «светскость» оказывается враждебной человеку с тонкими чувствами, а ценностное наполнение этого архетипического инварианта близко определенному В.И.Далем — «суетность, мирщина; все земное, житейское, насущное, противоположное духовному, нравственному, Божескому» [9, с. 142].

В круговерти светской жизни он не может сосредоточиться на вечном, в ней все временно: бесчисленные забавы, быстротечные увлечения и связанные с ними эмоциональные состояния. Звуки популярного вальса «Луч надежды» звучат для героя Полонского призывом: «Лови летучие мгновенья / И на пустые уверенья / Минутным жаром отвечай» (с. 83). Поддаваясь общим настроениям, человек скрывает истинные чувства, прячет свое лицо под маской. «...Я милой моей не узнал» — утверждает лирический герой («Маска») и сознается: «Мне легче было лицемерить, / Чем верить сердцу своему...» («Прости»). В стихотворении «Вижу ль я, как во храме смиренно она...» в образе возлюбленной героя святость граничит с греховностью. Прекрасная женщина кажется «святой», когда «перед образом Девы, Царицы небесной, стоит», и сравнивается с сатаной, когда «... на бале сверкает она / Пожирающим взглядом, горячим румянцем ланит...» (с. 78). Избегая разрушительного действия «света», устранившись «от праздной суеты и злобы жизни светской», герой Полонского пытается устроить свой мир на иных началах, взаимном доверии и любви, но и в уединении не получает желаемой гармонии: «И жизнь казалась мне суровой глубиной / С поверхностью, которая светла» (с. 41). Неприятие «света» оборачивается в лирике раннего Полонского одиночеством героя, его душевный строй определяется эггическим тоном, а из мотива сожаления развертывается как непосредственное медитативное высказывание, так и опосредованная образная картина. В стихотворении «Рассказ волн» душевное состояние лирического героя: «Я у моря грусти полный...» — рождает в его воображении красочную картину подводного мира, в гармоничном покое которого находит приют прекрасная дева-утопленница, бежавшая от шума суетной и несправедливой жизни.

Развертывание медитативного дискурса в образ идеалистически настроенного героя, близкого субъективности автора, находим в стихотворении «И я сын времени...»: под влиянием «времени» он разрушает «молитвенный храм» и строит новый. Аллюзия на евангельский текст позволяет в этой метафоре видеть сформированную рефлексивной идеологией 1840-х годов концепцию «нового человека», который уже не поклоняется «гробам», а чувствует в себе самом силу и способность разумом и талантом менять мир. «Я снова горд, могуч, спокоен», — заявляет лирический герой (с. 50). Он чувствует собственную причастность к величию созданного творческой волей Бога мира:

И как велик мой новый храм —
Нерукотворен купол вечный,

Где ночью путь проходит млечный,
Где ходит солнце по часам,
Где все живет, горит и дышит... (с. 51) —

и восхищается плодами европейской культуры, упоминая имена Гомера, Данте и Шекспира и поддерживая созидательную силу человеческого самоутверждения. В другом стихотворении поэт показывает обратную его сторону — эгоистические страсти и желания разрушительны, а излишняя самонадеянность посрамляется самим ходом истории («Переход через Неман», с. 80). Так, среди конкретизирующих инвариант светскости выделяются мотивы веры и сомнения в вере, разрушения «святых убеждений» и уничтожения святости любви, созидательной силы таланта и разрушительной — тщеславного самоутверждения.

Анализ метатекста ранней лирики Я.П.Полонского, с точки зрения художественного функционирования архаических инвариантов святости и светскости, позволяет говорить об уникальном в своем роде его ценностно-смысловом единстве, проясняющем существо авторской антропологии. Святость соотносится в мире произведений с мотивами божественного присутствия в жизни людей, религиозной святости, света и покоя, «Божьего грома», страдания и духовного просветления, любви и сострадания и служит созданию идеальной антропологической модели, соизмеримой с евангельской — только выпив чашу страдания, утверждает поэт, человек исполняет свое предназначение и оставляет след в вечности («К NN», с. 48). С другой стороны, причастным к вечности человека делает и его созидательный талант художника и поэта. Идеальные представления лирического субъекта Полонского оказываются чуждыми «свету», он не принимает суетных увлечений светской жизни, что и обрекает его на одиночество.

1. Баранская Е.М. Лирический герой и литературная личность Я.П.Полонского: монография. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. 184 с.
2. Гильяно К.Е. Особенности анализа миромоделирующих категорий лирического произведения: позиция субъекта // Новый филологический вестник. 2022. № 1(60). С. 77-86.
3. Выюшкова И.Г. Онейропэтика поэзии и прозы Я.П.Полонского // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 90-94.
4. Федосеева Т.В. Ценностное наполнение мотивного комплекса зари в лирике Я.П.Полонского // Исследовательский журнал русского языка и литературы. Тегеран, 2022. Т. 10. № 2(20). С. 135-155.
5. Тамарченко Н.Д. Мотивы преступления и наказания в русской литературе (Введение в проблему) // Материалы к Словарию сюжетов и мотивов русской литературы: Сюжет и мотив в контексте традиции. Вып. 2. Новосибирск, 1998. С. 38-48.
6. Киселев В.С. Метатекст как тип художественного целого (к постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 184-190.
7. Кавелин К.Д. Авдотья Петровна Елагина // Собр. соч. К.Д.Кавелина: В 4 т. Т. 3: Наука, философия и литература: [исследования, очерки и заметки К.Д.Кавелина]. СПб., 1899. 1256 стб.
8. Полонский Я.П. Полное собрание стихотворений / Издание просмотрено автором: В 5 т. Т. 1. СПб.: Изд. А.Ф.Маркса, 1896. 480 с. Далее тексты сочинений Я.П.Полонского цитируются по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1—4. М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1863—1866. [Электр. ресурс]. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003833542?page=143&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 15.01.2023).

References

1. Baranskaya E.M. Liricheskiy geroy i literaturnaya lichnost' Ya.P.Polonskogo: monografiya [Lyrical hero and literary personality of Ya.Polonsky: monograph]. Simferopol', 2020. 184 p.
2. Gil'yano K.E. Osobennosti analiza miromodeliruyushchikh kategoriy liricheskogo proizvedeniya: pozitsiya sub'ekta [Features of the Analysis of the World-modeling Categories of a Lyric Work: The Position of the Subject]. Novyy filologicheskiy vestnik, 2022, no. 1(60), pp. 77-86.
3. Vyushkova I.G. Oneyropoetika poezii i prozy Ya.P.Polonskogo [Oneiropoetics of Ya.P.Polonsky's poetry and prose]. Sibirskiy filologicheskiy zhurnal, 2011, no. 3, pp. 90-94.
4. Fedoseeva T.V. Tsennochnoe napolnenie motivnogo kompleksa zari v lirike Ya.P.Polonskogo [Value content of the complex of motives of dawn and dusk in Ya.Polonsky's lyrics]. Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury, 2022, vol. 10, no. 2(20), pp. 135-155.
5. Tamarchenko N.D. Motivy prestupleniya i nakazaniya v russkoy literature (Vvedenie v problemu) [Motives of crime and punishment in Russian Literature (Introduction to the problem)]. Materialy k Slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury: Syuzhet i motiv v kontekste traditsii, iss. 2. Novosibirsk, 1998, pp. 38-48.
6. Kiselev V.S. Metatekst kak tip khudozhestvennogo tselogo (k postanovke problemy) [Metatext as a type of artistic whole (to the formulation of the problem)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004, no. 282, pp. 184-190.
7. Kavelin K.D. Avdot'ya Petrovna Elagina [Avdotya Petrovna Elagina]. In: Kavelin K.D. Works in 4 vols, vol. 3: Nauka, filosofiya i literatura: [issledovaniya, ocherki i zametki K.D.Kavelina]. St. Petersburg, 1899. 1256 stb.
8. Polonskiy Ya.P. Complete poems in 5 vols, vol. 1. St. Petersburg, 1896. 480 p. Further references on pages of this edition are in round brackets.
9. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Ch. 1—4 [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, 1863—1866. Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003833542?page=143&rotate=0&theme=white> (accessed: 15.01.2023).

Fedoseeva T.V. The value opposition of holiness and secularism in early lyrics of Ya.P.Polonsky. The anthropological orientation of modern literary criticism requires clarification of the author's point of view expressed in the literary work, due to the value orientation of his personality. The solution of this problem requires combining an intra-textual analysis with a contextual one. The lyrical legacy of Ya.P.Polonsky in this direction has not been studied enough. The value oppositions revealed during the topical analysis make it possible to form a more objective idea of the author's artistic anthropology and subsequently to trace its dynamics. The episodic involvement of biographical, folklore, biblical and near literary context allows us to concretize the value aspect of the study. Archaic invariants of holiness and secularism are correlated in it with a complex of specific motives. Holiness — with the motives of the divine presence in people's lives, religious shrine, light and peace, "God's thunder", suffering and spiritual enlightenment, love and compassion. Secularism correlates with the motives of self-assertion, vanity, hypocrisy, as well as love, beauty and creative self-realization of the artist. The hero of Polonsky's early lyrics does not accept the vain hobbies of secular life, asserts the ontological significance of religious shrines, love, beauty, creative inspiration and is doomed to loneliness, which turns into pain for the spiritual imperfection of the world.

Keywords: the early lyrics of Ya.P.Polonsky, value opposition, topical analysis, holiness, secularism, religion, culture, ideal.

Сведения об авторе. Татьяна Васильевна Федосеева — доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры литературы и журналистики Рязанского государственного университета имени С.А.Есенина, факультет русской филологии и национальной культуры; ORCID: 0000-0002-5540-5051; t.fedoseeva@365.rsu.edu.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.02.2023. Принята к публикации 05.03.2023.

Ссылка на эту статью: Федосеева Т.В. Ценностная оппозиция «святость / светскость» в ранней лирике Я.П.Полонского // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 3(48). С. 230-234. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.3(48).230-234

For citation: Fedoseeva T.V. The value opposition of holiness and secularism in early lyrics of Ya.P.Polonsky. *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 3(48), pp. 230-234. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.3(48).230-234